

рус. *а*, отчасти обязано ослабленной – билабиальной – артикуляции этого звука в говорах некоторых территорий Русского Севера.

Кроме того, нельзя не отметить, что в процессе предполагаемого заимствования в говорах Русского Севера произошла фиксация ударения не на первом, а на втором слоге сложного карельского слова. Это обстоятельство может объяснить возникновение начального *и* не только из *je(u)*, но и из *jo(u)*. Начальное рус. *и* < карел. *jo(u)* возможно и в том случае, если заимствование было достаточно ранним, когда в русском языке еще не завершился процесс перехода *е* в *о*, т. е. иноязычное *jo* не могло передаваться идентично.

В заключение позволим себе отметить еще одну особенность русской диалектной лексики, а именно фонетически странное для XVII в. колебание *ижорка* / *ижерка*, наблюдающееся в письменных фиксациях этого времени. Трудно считать это колебание чисто графическим явлением, в то время как сопутствующие контексты ярко и последовательно отражают твердость шипящих и *ц* (ср., например: «Да что у меня Дмитрея оставаецца самопал, да три луки, да 19 сетей ижерок, да поножы и пленицы...»¹³). Можно предположить, что «незакономерные» написания с *е* обусловлены живым влиянием носителей карельского языка, в котором *ж*, в отличие от русского языка, никогда не утрачивало исконной мягкости.

С. А. Мызников
Санкт-Петербург

О некоторых спорных прибалтийско-финских этимологиях у Я. Калимы

В деле изучения прибалтийско-финского лексического наследия в русском языке принимали участие многие известные ученые, оставившие заметный след и в других сферах лингвистических исследований. Однако наиболее весомый вклад в изучение данной проблемы внес Яло Калима, классические труды которого востребованы и в настоящее время, а его работа «Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen с подзаголовком «Akademische Abhandlung» («Академическое исследование»), представленная к публичной защите в качестве магистерской диссертации философским факультетом Гельсингфорского университета и защищенная 28 мая 1915 г., является образцом этимологических исследований для неисконной лексики. Она была напечатана в типографии Финского литературного общества в 1915 г. [Kalima 1915], а затем перепечатана в «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne» в 1919 г.

¹³ Акты Холмогорской и Устюжской епархии. Ч. 2. С. 249.

[Kalima 1919]. Этот фундаментальный труд и по сей день входит в число наиболее полных работ по прибалтийско-финским лексическим заимствованиям. В нем представлены разработки 520 этимологических гнезд. Я. Калима использовал все источники (преимущественно диалектные), имеющиеся к тому времени, основные среди них — словари В. Даля (причем как 1-е, так и 3-е издание под редакцией Бодуэна де Куртене), А. Подвысоцкого и Г. Куликовского. Данные словаря В. Даля использовались при выработке 196 этимологий, ссылки на словарь Г. Куликовского насчитывают 195 единиц, на словарь А. Подвысоцкого — 45. Не все прибалтийско-финские лексические данные, которые можно было бы использовать для сравнительно-сопоставительного анализа при выработке этимологических версий, были изданы, и Я. Калима довольно часто обращался к рукописным собраниям лексики. Таковы вепские и водские собрания Е. Н. Сетеля, чухарские Н. Ф. Лескова, людиловские И. Куйола, карельские К. Ф. Карьялайнена [См.: Kalima 1915, IX–XV]. В настоящее время сложилась уникальная ситуация — в распоряжении исследователей имеются материалы как по русским говорам, так и по прибалтийско-финским языкам и диалектам, что позволяет проводить более тщательное сопоставление лексических данных и выдвижение верифицированных этимологических версий.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение некоторых этимологий Я. Калимы с привлечением новых данных как по русским говорам, так и по прибалтийско-финским языкам и с применением метода ареальной верификации этимологических версий. Обратимся к анализу материала, представленного в работе Я. Калимы.

Кўлгача. Данное слово фиксируется в значении ‘заворы, окличные ворота, с тягую разного устройства, чтобы сами затворялись’ [Даль¹ 2, 219], а также ‘ворота в поле’ в Тихвинском уезде Новгородской губернии [Тр. МДК 3, 130]. Я. Калима, имея, вероятно, в распоряжении только эстонско-финские параллели русского слова, предлагает в качестве этимона эст. *kol'k* (ген. *kol'gi*), *kolk* (ген. *kolgu*) ‘палка, палочка для закрывания дверей; цепь; коромысло, доска для выбивания; рулевое весло’ при фин. *kolkka* ‘планка, жердь, столб; задвижка, засов, пест’ [Kalima 1915, 140]. Однако слово *кўлгача* имеет длительную историю фиксаций в различных источниках — начиная с середины XIX в. по сегодняшний день: *кўлгача* ‘решетчатые ворота в деревне с блоком для запора’ [Тихв. Новг; КСРНГ], ‘ворота между изгородей на проселочной дороге; полевые ворота’ [Тихв. Новг; ДО], ‘ворота в конце деревни’ [Волх. Ленингр; КСРНГ], ‘дверной засов’ [Тихв. Новг; Тр. МДК 2, 120]; в современных диалектных словарях, кроме основной лексемы *кўлгача* ‘ворота в изгороди на околице в деревнях’ [Тихв. Бокситогор; СРГК 3, 55], отмечают-

ся различные варианты: *кўлгач*, *кўлгачи* ‘ворота в изгороди, отделяющие деревню от полей’ [Дрегельск; НОС 4, 176], *кўгача* ‘большие ворота’ [Лодейноп; СРГК 3, 54], ‘ворота у выгона на поле, пастбище’ [Тихв. Новг; Лодейноп; СРНГ 15, 394]; *кўгач* ‘изгородь’ [Подпорож; СРГК 3, 54], ‘закрывающийся проход, калитка, ворота в изгороди’ [Тихв; СРГК 3, 54]. Фиксируется сходный материал и по ПЛГО¹⁴: *Кўлгач была, наподобие калитка, на 4–5 поперечин и на петельку делают закрывать; на петлях 2,5 метра в высоту, 4 метра в ширину* [д. Верховье Тихвинского р-на, запись 2002 г.].

Исходя из ареала приведенных выше примеров (восток, юго-восток Ленинградской обл. и север Новгородской), можно говорить о вепсской основе лексемы *кўлгач*, *кўлгача*, ср. вепс. *kuiḡač* ‘большие ворота на проезжей дороге’ [СВЯ, 251], а эстонско-финские данные, приводимые Я. Калимой, можно рассматривать лишь в качестве соответствий на прибалтийско-финской почве. Вариант *кўгач* / *кўгача* отмечается только по лексикографическим источникам, его можно рассматривать в качестве результата живого адстратного влияния (ср. приводимое выше вепс. *kuiḡač*), однако нельзя исключать и то, что *й* (у неслоговое), проясняющееся в современных русских говорах в *л*, не всегда фиксировалось собирателями; в диалектной речи лексема *кўлгач* звучит как */kuiḡač/*. Сходная неточность записи отмечается также у Н. Озерецковского в его «Путешествии по озерам Ладожскому и Онежскому» для д. Кулмукса (в произношении Куўмукса): «До Кижского погоста от деревни Кумуксы (пропущена *л*, в речи *ў*), что при губе Кондопаге, расстояние водою близ 50 верст считать можно»¹⁵. Сходный пример употребления *ў* отмечается в говорах юго-восточной части Вологодской области, где слово *гóлбец* ‘ящик вдоль боковой стенки печи, имеющий лаз в подполье’, произносимое ранее как *гбўбец*, ныне лексикализировалось в *гóбец* [ПЛГО].

Суффикс *-ач*, вероятно, в данном случае не следует рассматривать как морфему, присоединение которой произошло на русской почве. В Словаре вепсского языка [СВЯ] представлено свыше 40 слов с суф. *-аč*, в основном в словах с прибалтийско-финской корневой морфемой.

На финно-угорской почве, кроме фин. *kolikka* ‘короткий шест, стожар, засов, запор, задвижка, короткое весло’ [SKES, 211], сюда же относятся коми *калич* ‘запор, задвижка, щеколда, крючок’, при удм. *кулич* ‘крючок на двери’ [КЭСК 1970, 115]. В то же время рус. диал. *кўлгача*

¹⁴ Здесь и далее ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование автора (русские говоры и вепсские диалекты).

¹⁵ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989 (предыдущее изд. 1812 г.). С. 149.

‘дверной засов’ (Тихв. Новг.) семантически, очевидно, восходит к вепс. *kuikk* ‘дверной крючок’ [ПЛГО], *kūkuine* ‘дверной или оконный крючок, засов’ [SSA 1, 414].

Некоторые данные, рассматриваемые Я. Калимой на прибалтийско-финской почве, можно включить в балтийский контекст (хотя сам автор занимался исследованиями в сфере балто-прибалтийско-финских языковых контактов, и до настоящего времени имеет большое значение его работа «Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat», вышедшая в 1936 г.).

***Pátka*.** Данное слово у Я. Калимы представлено только в одном значении ‘двухколесная повозка’ в Петербургской губернии [Kalima 1915, 196], хотя у Даля для этой лексемы приводится обширное описание ‘чухонская одноколка’, ‘опрокидный кузов на дрогах, ящик на чебурах для возки и сыпки земли, удобрения и нечистот’ [Даль² 3, 86]. В настоящее время слово *pátka* имеет фиксации в ярославских говорах в значении ‘телега с деревянными решетками спереди и сзади для перевозки сена, соломы, снопов’ (Аньков, Иван, Борисоглеб, Петров, Пошехон, Ростов, Ярослав) [ЯОС 8, 128]; отмечается в говорах Новгородской области: *pátka* ‘повозка на двух колесах’ (Старорус. Новг) [НОС 9, 116]. СРНГ добавляет к приведенным материалам только данные словаря Элиасова (*pátka* ‘тачка с откидывавшимися бортами’), но, поскольку достоверность этого источника вызывает сомнение [Аникин 2000, 17–26], то забайкальские материалы можно не учитывать [СРНГ 34, 338].

Я. Калима для лексемы *pátka* предлагает финские этимоны, ср. фин. *ratas* ‘колесо’, мн. ч. *rattaat* ‘повозка, телега’, при карел. *rataš*, ливв. *ratas* ‘колесо’, эст. *ratas* ‘колесо’, мн. ч. *rattad* ‘телега’ [Kalima 1915, 196]. Однако это прибалтийско-финское гнездо неисконно, оно восходит к балтийским данным, ср. лит. *rātas* ‘колесо, круг’, мн. ч. *rātai* ‘телега’, лтш. *rats* ‘колесо’, мн. ч. *ratī* ‘телега’ [Fraenkel, 703], при нем. *Rad* ‘колесо’, лат. *rota* ‘колесо’, др.-инд. *rāthah* ‘телега, боевая колесница’ [EWD, 1359]. Поэтому Ю. Лаучюте говорит о заимствовании из балтийского источника «через посредство финских языков» [СБ, 129]. Новые данные по прибалтийско-финским языкам, ср. ливв. *ratas* ‘колесо’, *ratoi* ‘колесо’, ‘круг, отпиленный из цельной березы или сделанный из капа’ [СКЯ–М, 300], карел.-твер. *rataš* ‘колесико, векошка, небольшой блок в ткацком станке’ [СКЯ–П, 231], ижор. *rattahaD* ‘повозка’, при *raDaz* ‘колесо повозки’ [IMS, 467, 461], люд. *ratas* ‘колесо’, водск. *ratas* ‘колесо’, *rattād* ‘телега, повозка’, лив. *rattad* ‘телега, повозка’, расширяя круг соответствий, позволяют включить в сферу внимания ижорские и водские диалекты, которые можно сопоставить с материалами русских

говоров Петербургской губ. (Петергофский у.) и побережья оз. Ильмень. В то же время это никоим образом не исключает возможность балтийского воздействия. Так, например, авторы SKES полагают, что рус. *ра́тка* является результатом балтийского влияния [SKES, 743]. Таким образом, западный ареал русской лексемы не позволяет достаточно обоснованно остановиться на одной из двух этимологических версий. Кроме того, дистантный ареал в ярославских говорах заставляет предположить гетерогенность этих данных по сравнению с западными (в Новгородской обл. и Петербургской губ.), хотя вряд ли ярославские данные следует сопоставлять с рус. *рядки* 'двуколка для езды (двоих) с высокими бортами, на рессорах' (Свердл, 1952) [СРНГ 35, 342]. В данном случае попытка проанализировать этимологию Калимы на более широком материале ввела западно-севернорусские данные в более широкий севернорусский (частично общерусский) контекст, что и породило круг новых проблем, которые необходимо решать.

Среди них, вероятно, главной будет следующая: при сходстве прибалтийско-финских и балтийских данных, которые могут являться источником для русского диалектного слова, можно ли определить языкодонор? И если да, то возможно ли выделение критериев этимологизирования или в каждом случае этот вывод о направлении заимствования будет зависеть от конкретных материалов? Кроме того, до каких пределов возможно расширение круга русских диалектных данных, подлежащих анализу? Например, слова *радánка* 'одрец, одрина, сноповозка, долгая, большая телега' [Даль¹ 4, 3], *ра́дыли* 'высокая повозка для перевозки сена, снопов' (Смол) [СРНГ 33, 251], несмотря на сходство формы с рассматриваемыми лексемами, представляют в этимологическом плане гнездо иного происхождения, сопоставляемое с польск. *rydvan*, укр. *ридван*, из немецкого источника, ср. нем. *Reitwagen* 'повозка' [Фасмер 3, 527]. Следует отметить, что при анализе ряда близких фактов даже выделение дистантных ареалов (новгородские говоры – ярославские говоры) не проясняет до конца происхождения русских диалектных данных. Таким образом, расширение круга русских диалектных источников и сравнительный анализ данных смежных языков не дает достоверной этимологической версии для слова *ратка*. Вероятно, в данном случае речь может идти о множественности источников для русских диалектных материалов и их позднейшей контаминации, что делает затруднительным (или даже невозможным) конкретное указание не только на предположительный этимон, но даже и на тип языка-источника.

Еще одно слово с не совсем ясной этимологией – *кúкры* 'плечи' (Карг, Заонеж) [Куликовский], *кúкры*, *кúкорки* 'плечи, спина' (Север) [Даль² 2, 214]. Калима предлагает в качестве сходных, возможно эти-

монологически первичных, материалов эст. *кикри* 'затылок', не будучи уверенным в правильности подобных сопоставлений [Kalima 1915. 138]. Ранее Лесков лексему *кукры*, трактуемую им как 'плечи', возводит к карел. *куккири* 'верхняя часть плеч'¹⁶. Фасмер, на наш взгляд, весьма справедливо говорит об обособленности слов *кукры* и *кукорач*, *кукарач* 'на четвереньках' [Фасмер 2, 406, 407].

Семантически довольно близко к русским данным прибалтийско-финское гнездо: ср. фин. *кууру*, *куура*, *куурё*, *куккэ* 'горб', карел. *kügrä* 'горб', эст. *küür* 'горб, шишка', лив. *kīr*, *küür* 'горб', саам. норв. *guwre* 'человек со сгорбленной спиной', которое авторы SKES рассматривают как дескриптивную единицу [SKES, 258]. При этом в финском языке имеется лексема *kuuri*: *olla kuurussa* 'горбиться', рассматриваемая как скандинавское заимствование, ср. шв. *kura* 'горбиться', а вопрос сопоставления фин. *кууру* и *kuuri* не поднимался [SSA 1, 459].

Предлагаемый Лесковым карельский источник входит в гнездо, где доминирует иная семантика, ср. фин. *kukku* 'коническая вершина', *kukkura* 'холм, гора', эст. *kukal* (ген. *kukla*) 'затылок', эст. южн. *kukru* 'затылок' [SKES, 233], ливв. *kukkuri* 'верх, вывешивающийся из кошель, мешка с ягодами, грибами и т. д.; ворох; горушка' [СКЯ–М, 162], карел. твер. *kukkura* 'гребень кровли' [СКЯ–П, 120], карел. сев. *kukkura* 'крутая гора' [KKS 2, 418]. На прибалтийско-финской почве данное гнездо предлагается рассматривать в связи с балтийским влиянием, ср. лтш. *kukurs* 'горб', лит. *kukurai* (мн. ч.), *kukure* 'верхняя часть спины; горб' [SKES, 233; SSA 1, 429]. Френкель сводит в одно балтийское гнездо лит. *kaiūkaras*, *kaukuras* 'возвышенность, пригорок', 'вершина горы', лит. *kaiūkas* 'шишка, желвак', 'приспособление, при помощи которого рыболовная сеть протягивается подо льдом', *kaiūkos* 'железы', *kukārai* 'верхняя часть спины около плечей', *kūkštara* 'верхняя часть спины', лтш. *kukurs* 'горб', *kūkums* 'горб, нарост', сопоставляемое с *kukt* 'изгибаться', 'отвесить глубокий поклон', лит. *kūkti* 'нагибаться', относя сюда же рус. *кукры* 'плечи', *кука* 'кулак' и далее германские данные, ср. гот. *hauhs* 'возвышенность' [Fgaenkel 1, 230], обходя, однако, стороной сопоставления с прибалтийско-финскими данными.

Скандинавское гнездо, в числе единиц которого шв. *kura* 'горбиться' (см. выше), послужившее источником для финского слова, вряд ли связано с анализируемыми русскими данными (*кукры*), ср. также норв. диал. *kura* 'лежать спокойно' [EONDS, 424].

Исходя из приведенных выше материалов, можно резюмировать следующее: лексема *кукры*, фиксируемая на обширной территории Се-

¹⁶ Лесков Н. Ф. О влиянии карельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина. 1892. № 4. С. 100.

веро-Запада, но со спорадическими фиксациями, не может рассматриваться как результат прибалтийско-финского воздействия, поскольку обычно следствием такого влияния является устойчивый западный ареал подобных лексем, отсутствующий в данном случае. Слово *күкры* отмечается в семи районах обследуемого региона (Медвежьегорском Карелии, Любытинском Новгородской, Вашкинском, Кирилловском, Шекснинском Вологодской, Каргопольском, Пинежском Архангельской областей), однако доминирующий дериват *закүкры* значительно расширяет ареал безаффиксальной лексемы, делая его довольно устойчивым и практически сплошным в говорах по течению р. Мологи, Белозерья и Пошехонья и на смежных территориях. Фиксация сходных карельских данных, ср., карел. сев. *kykrä* 'горб', ливв. *kygrä* 'то же' [KKS 2, 509], не проясняет направление заимствования. Можно говорить всего лишь о том, что карельские и русские сопоставляемые лексемы близки по форме и семантике (лексема вепс. *kukrad* 'заплечье, закорки', отмеченная по ПЛГО, но не представленная в СВЯ, скорее всего, представляет собой обратное русское заимствование).

С. В. Панченко
Екатеринбург

Хантыйская лексика с компонентом *юх* в русских письменных источниках 1870–1930 гг.

В русских письменных источниках 1870–1930 гг., а именно в текстах русских авторов, описывающих с различными целями территорию проживания и культуру народа ханты, нами зафиксировано 30 хантыйских сложносоставных лексем с компонентом *юх*. Интересно семантическое поле данного слова, проявляющееся в приводимых значениях, и его семантическое освоение при переводе многокомпонентных слов. По степени освоенности в русском языке вся рассматриваемая нами лексика — это хантыйские слова-вкрапления, представленные в русской графике и неизменяемой форме в виде вставок в тексте с указанием на иноязычную сферу употребления слова, фонетически переработанные с учетом закономерностей звуковой системы русского языка, переведенные или поясняемые.

В языке-источнике семантическая структура многозначного слова *juх* включает в себя следующие значения: вах.-вас., варт., ликр., м.-юг., тр.-юг *juу*, ирт., низ., шер., обд. *juх*, казым., сын. *jūх* 'дерево', 'древесина'; 'дрова' (вах., вас., сур., ирт.); 'полено' (вах., вас., тр.-юг., н.-дем., кр.-яр.); 'гроб' (юг.); 'палка'; 'лес' (вах.) [DEWOS, 331].

В русских источниках 1870–1930 гг. встречаются варианты *юх*, *юг*, подтверждающие диалектную и семантическую вариативность само-